

Часть I

Глава 1

— Толстый я стал. Не знаю, как похудеть.

Пассажиров в троллейбусе было всего двое, и оба дремали, поэтому разговор водителя с женщиной, стоящей возле открытого окошка кабины, был слышен Марине во всех подробностях.

— Влюбиться тебе надо, — сказала женщина.

— Влюблялся уже, — ответил водитель. — Не помогает.

— Значит, не в ту влюблялся.

Троллейбус подъехал к утренней безлюдной остановке.

— Да я в разных пробовал, — сказал водитель.

Открылись двери.

— Значит, не так влюблялся, — ответила женщина.

Марина услышала это, уже выходя на улицу. Августовское утро было так прекрасно, а разговор так безыскусен, что она улыбнулась. Хотя лично для нее ничего радостного не могло быть ни в прелести этого утра, ни в чужих разговорах о любви.

Мама уже пила кофе, просматривая на айпаде утренние новости. Она всегда вставала рано, даже

зимой, а уж летом, говорила, просто преступление спать после рассвета. Когда Марине было тринадцать лет и они отправились в морской круиз, мама каждое утро будила ее в полутьме и вела на палубу смотреть, как солнце встает. Марина канючила, что лучше посмотрит, как оно садится, ну ладно, посмотрит и рассвет, но одного раза достаточно, солнце ведь каждое утро встает одинаково.

Однако на маму Маринино нытье не производило ни малейшего впечатления.

— Солнце каждое утро встает по-разному, — безмятежным тоном отвечала она. — И воздух каждое утро новый, и волны. Ты должна это видеть. Чехов прав: кто видел Индийский океан, тому будет что вспоминать всю остальную жизнь во время бессонницы.

Маринины доводы о том, что у нее нет бессонницы и что они же не в Индийском океане, а в Средиземном море, мама пропускала мимо ушей.

Маме всегда нравилась изменчивость мира, его новизна, и с возрастом это качество не ослабело в ней. Пожалуйста — новости на айпаде читает, киндл купила, в соцсети общается. Но что-то остается в ней неизменным, и это неуловимое «что-то» напоминает о себе повседневными знаками, и привычка к раннему пробуждению — из их числа.

— Доброе утро, — сказала мама, увидев Марину на пороге кухни. — Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного. — Марина была уверена, что ее голос звучит так же спокойно, как и мамин. — Поживу дня два у вас, ладно? У меня краской пахнет.

Ремонт, который Марина еще весной затеяла у себя в квартире, двигался очень неспешно, но теперь наконец дотащился до завершающей стадии.

— А в Мамонтовке что? — Мама встряхнула стеклянную миску с разноцветными кофейными капсулами и спросила: — Какую тебе?

— Розовую, — ответила Марина. — Нет, лучше покрепче — коричневую. — И добавила: — А в Мамонтовке ничего не получилось.

Мама вставила капсулу в машинку, кофе, благоухая, полился в чашку.

— Опять не получилось, — уточнила Марина. — Почему, как думаешь?

— Потому что новый твой мужчина оказался такой же, как всегда.

— Откуда ты знаешь?

— Ну а почему еще?

— Например, потому что я такая же, как всегда.

— Это настолько очевидно, что вообще не требует размышлений.

— А что тогда требует? — вздохнула Марина.

— То, что ты раз за разом пытаешься приладиться к одинаковым мужчинам. Наступаешь на них, как на грабли. Это странно.

— Что странного? — пожала плечами Марина. — Ну да, мне нравится определенный мужской тип.

— Сомнительный тип, — заметила мама. — И почему тебе нравится именно он?

Марина не ответила. Не было у нее ответа.

— О чем пишут? — спросила она, кивнув на мамин айпад.

Спросила вообще-то машинально. Через три часа после того, как вдребезги разбились твои надежды на устройство личной жизни, и это еще очень мягко говоря, — было бы удивительно, если бы тебя интересовало что-нибудь кроме этого.

— О будущих кокусах в Айове, — ответила мама.

— Кокусы — это кто? — не поняла Марина.

— Не кто, а что — праймериз. В США началась президентская кампания, — объяснила та.

— Мама, ты счастливый человек!

Марина засмеялась и, допив кофе, ушла в ванную. Ей в самом деле стало как-то повеселее. Кокусы в Айове!.. Сколько жизни надо иметь в себе, чтобы в пятьдесят два года так интересоваться жизнью вне себя!

Марина приехала из Мамонтовки с одной сумкой, в которую сложила всю одежду без разбора. Она отнесла сумку в ванную, выгрузила ее содержимое в стиральную машину и села на пол, глядя, как крутятся в пене за стеклом легкие юбочки и сарафанчики — навязчивые доказательства того, как легко, беззаботно и весело можно было бы жить с ней, с такой яркой, светлой и беспечной. Даже куртки теплой у нее с собой не было. И не понадобилась ей куртка ни разу за все это лето, солнечное и ясное.

Глава 2

День рождения Алены Солнечкиной открывал летний сезон, хотя и приходился на последний день весны. Алена всегда приглашала гостей домой, что уже

само по себе было редкостью — зачем, если можно позвать в кафе и обойтись без лишних забот? Вдобавок она собирала компанию даже не в городской квартире, откуда проще выпроводить, а на даче, где половина приглашенных оставалась ночевать и гуляла потом весь следующий день. В общем, праздник получался заметный, и вся поликлиника его ждала, потому что именно с него всегда начиналось лето.

Марина приехала к Алене в Мамонтовку пораньше — стол накрывать. Не то чтобы она как-нибудь особенно любила домашние хлопоты, но свинством было бы не помочь. Салаты нарежь, заправь и по салатницам разложи, бутерброды с икрой сделай, соленья распредели по кабаретницам, да мало ли что еще! Ничего замысловатого во всем этом нет, но одной Алене не справиться.

Всем этим и занималась стайка Алениных приятельниц за два часа до сбора гостей.

— Надо же, как Аленке с погодой всегда везет! — сказала Ольга, размешивая оливье в классическом эмалированном тазике.

Ольга была лор-врачом, а Аленка — ее медсестрой.

— Ну так фамилия же у нее какая, — откликнулась Наташа, процедурная медсестра. — С такой фамилией — и чтоб на день рожденья солнце не светило?

В общем, они готовили праздник и вели такие разговоры, о которых папа говорит, что человек должен жалеть даже об усилии лицевых мышц, затраченном на произнесение ничего не значащих слов. Папа прав, конечно. Ну что полезного или хотя бы любопытного

в сообщении о том, что сегодня светит солнце? Но Марина считала, что в такие моменты смешивается многое — и что собрались все вместе, и что впереди долгий беспечный вечер, и что не только вечер, но хоть всю ночь можно будет сидеть за столом, на крыльце и в расставленных на газоне пластмассовых креслах, болтать и мельком удивляться, что звезды в темном чистом небе видятся тебе так, как виделись в юности. И если от соединения простых и неважных вещей создается ощущение счастья, значит, важной и нужной является каждая такая вещь. И разговоры о погоде тоже.

Марина за этими разговорами резала домашнюю, приготовленную Аленкой буженину. Ей всегда поручали то, что надо было нарезать тонкими ровными ломтиками или крошечными кубиками; мама называла такую нарезку на французский манер — брюнуаз.

— В хирургию тебе надо было идти, Мариш, — сказала Ольга.

И это она тоже каждый год говорила, глядя, как Марина что-нибудь нарежает, и Аленка всегда на это отвечала, что терапия — Маришино призвание, а потом добавляла что-нибудь смешное и сама первая смеялась, и ее слова, и смех были так хороши, так уместны в последний день весны.

Потом кто-то спохватился, что вот-вот приедут гости, а хозяйка не одета, и Аленка убежала переодеваться. Потом она появилась в ярко-голубом платье, и все стали восхищаться — может, преувеличенно, но искренне. Потом к воротам стали подъезжать машины, в калитку начали входить гости, и как только они оказывались в общем пространстве праздника, на

них словно слетали с неба золотые блески, и сразу им становилось от этого радостно и хорошо.

Все было так, как Марина и ожидала: пили и пели, танцевали и просто прыгали под музыку, как маленькие, попеременно ели пироги и салаты, ждали шашлыков, но к тому моменту, когда они появились на столах, за танцами забыли про еду...

Шашлыки, впрочем, оказались такие вкусные, что Марина пошла поинтересоваться, кто их так тонко замариновал и так виртуозно поджарил.

Мужчина, стоящий у мангала, был ей незнаком.

— Сосед я Аленин, — сказал он, встретив ее взгляд. — Но всего неделю тут живу. Анатолий меня зовут.

— Меня — Марина. У вас очень хорошие шашлыки получились.

— Спасибо на добром слове.

Он улыбнулся. Улыбка оказалась особенная — осветила лицо, будто фонарик. Без улыбки ему было на вид лет пятьдесят, а с улыбкой стало сорок или даже тридцать семь, может.

— Держи свежий. — Он взял из середины мангала шампур с шашлыком, положил на тарелку и протянул Марине. — Остальные пусть доходят. Или и этот еще подержать?

— Раз вы считаете, что готов, — давайте!

Шашлык оказался именно такой, как она любила, не сухой и не сырой, в самый раз. Вроде бы ерунда, но приятно, что он догадался о ее вкусах. А может, и не ерунда.

Марина села на табуретку возле мангала. Анатолий присел рядом на березовый чурбачок.

— Ты ешь, ешь, — сказал он. — А то остынет.

К чурбачку была прислонена бутылка муската. Он разлил вино в два стакана, протянул один Марине.

— Рада знакомству, — сказала она.

Сладкое вино Марина не любила, тем более к мясу. Но вдруг оказалось, что именно с этим мясом именно этот мускат сочетается прекрасно. Настроение у нее и так было хорошее, а стало еще лучше.

Есть шашлык Анатолий не стал — он просто сидел рядом, и они болтали. Через десять минут у Марины было ощущение, что они знакомы сто лет, да и у него, кажется, тоже.

Домик в Мамонтовке достался Толе после смерти двоюродной тетки.

— С неба свалилось, — объяснил он. — Я эту тетю Катю в детстве только и видел. Написала мне года три назад: пенсия нищенская, на лекарства не хватает, не сможешь ли. Ну, стал ей деньги посылать. Одинокая она, стыдно не помочь. А навещать — это не мог, из Читы не наездишься.

— Ты в Чите живешь?

— Жил. Теперь здесь буду. Дом тетка запустила, конечно. Но сруб крепкий. Отремонтирую, потом видно будет. Может, продам и в Москве квартиру куплю. Мамонтовка же эта золотая, говорят. Повезло, что тут скажешь. А ты с Аленой вместе работаешь?

— Ага, — кивнула Марина. — Я терапевт.

— Не позавидуешь.

— Почему?

— Да знаю я, как врачи участковые в поликлинике вкальывают. Света божьего не видят, а зарплата копеечная.

— У нас поликлиника платная, — сказала Марина. — То есть наше отделение платное. По дополнительной страховке. Так что зарплата у нас повыше. Хотя тоже золотом не осыпают, конечно. А ты где работать собираешься?

— Посмотрим, — ответил Толя. — Я же только приехал, не огляделся еще. Без работы не останусь, думаю. Это у нас погибель, а Москве-то не так. Если у мужика голова, руки есть — заработает.

Что у него есть голова и руки, было понятно по каждому его движению — красивому, осмысленному. А еще больше по взгляду, в котором осмысленность соединялась с живым интересом. И то, что такой взгляд направлен на нее, было Марине приятно.

— Я офицер вообще-то, — сказал Толя. — Майор погранвойск. В отставку вышел. — И заметил: — Готовы шашлыки. Тащи блюдо, Маринушка. Будем гостей кормить.

Как странно, как необыкновенно он это произнес! Словно гости пришли именно к ним. И словно они с Мариной — одно целое, причем это само собой разумеется.

— Ого, сколько нажарил! — воскликнула Аленка, подлетевшая к мангалу с расписным металлическим блюдом в руках. — Хватит, Толик! Уже все объелись, больше никто не хочет. Потанцуем, потом чай будем пить. Торгов навезли — ты не представляешь сколько! — сказала она Марине, складывая на блюдо шампур с шашлыком. — Даже если все ночевать останутся, за утро и половины не съедим. Идем танцевать, идем!

И убежала.

— Ну что, пойдём и правда потанцуем? — сказал Толя.

Он не был похож на любителя танцев.

«А как, по-твоему, должен выглядеть любитель танцев?» — растерянно подумала Марина.

Толя смотрел на нее так, что было понятно: ему хочется танцевать не вообще, не абстрактно, а именно с ней.

— Выпьем для храбрости и пойдём, — заключил он, не дождавшись ответа.

Дополнительной храбрости Марине не требовалось, но она выпила еще муската вместе с Толей, и уже через минуту они всю отплясывали на забетонированной площадке перед домом, потом кружились в общем хороводе вокруг клумбы, и Толя держал Марину за руку, а потом танцевали среди сиреневых кустов, и это был уже не хоровод, а медленный танец, и Марина поймала себя на том, что так она танцевала последний раз в школе, на долгожданном новогоднем вечере, во время которого должны были выясниться ее отношения с Димой Серветом из параллельного класса, и выяснились... Это было так странно! Как будто не прошло с тех пор пятнадцати лет, как будто не было за эти годы множества таких вот гулянок-танцулек, и не было мужских объятий, и запаха сирени, и ничего вообще не было...

Одна ее ладонь лежала у Толи на плече, а вторая на груди. И обеими ладонями она чувствовала тепло и трепет его тела. Не обычное физическое желание, а вот именно трепет, такой неожиданный во взрослом мужчине. Потому, наверное, школьные танцы и вспомнились.

Технология праздника была у Аленьки давно отработана. Уборка согласно этой технологии всегда откладывалась на утро. Остатки салатов и тортов в холодильник все равно не поместились бы, а ночь между весной и летом обычно бывала еще холодной, и они не портились на улице. Поэтому столы просто накрывались до утра большими полиэтиленовыми пленками от птиц и дождя.

Марина не видела, кто помогал накрывать столы, кто уезжал, кто оставался ночевать...

— У Аленьки и места для всех не хватит, — сказал Толя. — Пойдем ко мне, а, Марин?

В его словах, в его голосе не было самоуверенности, но и робости не было тоже. Он произнес их именно так, как и должен произносить мужчина. Марина кивнула. Она не могла выговорить ни слова.

Глава 3

Вышли за Аленину калитку и направились по улице к соседнему дому.

— Заборы-то у вас какие, — сказал Толя. — Выше роста человеческого.

— Ну, у Аленьки забор самый обыкновенный.

— У тетки моей тоже. Но ведь от бедности только. А так — Великая Китайская стена.

Заборы вдоль улицы действительно стояли сплошной стеной. Но Марина не смотрела на них. Потому что не могла отвести взгляд от Толи.

Спокойствие было в нем подсвечено легкой нервностью, да, именно так; Марина обрадовалась,